

Г.П.Байғарина

Заманауи медиалық дискурс: метатілдік түсініктеме

Мақалада метатілдік рефлексияның құбылысы тілдің жеке бастапқы сатысында пайда болады. ХХІ ғасырдың алғашқы екі 10 жылдығында шетелдік рефлексивті медиамәтінде дамушы метатілдік пікірлесу мен қызметінен тілдің пайда болу шеңбері анықталды. Заманауи біріккен пікірталастың рефлексивті сипаты медиамәтінде анықталмаған мағыналық қалпына келтірілген құралы ретінде және сөйлеушілердің әлемдік көзқарасын тудыру құралы ретінде қарастырылды.

G.P.Baiygarina

Modern media discourse: metalinguistic commentation

The article investigates the phenomenon of the metalinguistic reflexion as a manifestation of the personal start in the language. The range of linguistic phenomena exposed to metalinguistic commentation is defined, as well as the functions in which reflexives are presented in media texts of the first decades of the XXI century. Reflexives being the typical quality of the contemporary media discourse are considered to be the means of the removal of semantic uncertainty in media texts and as a way of expression of the speaker's world outlook orientation.

УДК 81. ' 367.3

Ж.К.Киынова

*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы (E-mail: zhkiynova@mail.ru)***Старославянская фразеология в русском языке:
синхрония в диахронии языка**

В статье на материале Фразеологического словаря старославянского языка воссоздана антропоцентрическая картина средневекового человека и его морально-нравственных ценностей. Автором статьи приведены примеры, свидетельствующие об отражении православной ментальности в старославянской фразеологии. Проанализированы фразеосочетания, выступающие в таких бинарных оппозициях, как *добро – зло, грех – добродетель, богатство – бедность, вера – власть*. Особое внимание уделено фразеологизмам, включающим соматизмы, так как именно в их семантике отражается концептуализация мира через познание самого себя и своего тела.

Ключевые слова: фразеология, православная ментальность, старославянская фразеология, библеизмы.

В последнее время, в связи с переосмыслением духовно-нравственных ценностей и актуализацией религиозных истоков, значительно возрос интерес и к старославянскому (церковнославянскому) языку как к культурно-историческому феномену, в котором находит отражение духовная и историко-культурная память народа. Русское религиозное сознание всегда отождествлялось с этим языком, сохраняющим свою идентичность и священное содержание как на протяжении многих веков, так и в условиях современной социальной реальности. «Время показало, что церковнославянские священные формы — это и есть самые верные, единственно возможные, раз и навсегда данные славянскому миру способы определения и выражения меры святости (священной силы) текстов духовного содержания. Исключительно точно выражая смысловое содержание, церковнославянские формы на протяжении многих веков констатируют нам священную реальность прошлого, сакрализуют в том числе и русские лексемы в книжном церковном употреблении, дарят нам возможность ощутить онтологическую сопричастность слова и дела, действенную (очистительную и спасительную) силу священных и молитвенных текстов. Эти формы самой своей неизменностью во времени свидетельствуют о вечности заложенных в нем высших смыслов» [1].

Православная ментальность, тесно связанная с христианской добродетелью, нравственностью и ценностным осмыслением мира, находит свое непосредственное отражение в старославянской лексике, усвоение которой в условиях сохранения культурно-исторической, религиозной, этнической непрерывности в русской культуре сопровождалось и своеобразным заимствованием элементов концептуальной схемы этого сакрального языка. Так, интересный материал в исследовании православно-культурного сознания дают фразеологические единицы, заимствованные из старославянского языка — языка культа и культуры. Несомненно, старославянский, позже, церковнославянский язык, на протяжении многих веков использовавшийся на Руси как в культовой, так и в литературной функциях, формировал, определял и укоренял в русском обществе особый, специфический тип культуры — культуры духовной, свидетельствующей о святости сознания русского человека. Культурные и религиозные потребности православных славян обслуживались церковнославянским языком, поэтому традиционно языковые единицы библейского происхождения обозначались как «церковнославянизмы», или «старославянизмы». Употребление библейского слова проецирует идеи святости, сакральности на все, что имеет отношение к Библии и религиозному культу. Фразеологические сочетания, восходящие к тексту Библии, называются библеизмами. Они первоначально входили в литературный язык в церковнославянской форме, которая и сохранилась во многих фразеологизмах. Ср.: *довлеет днєви злоба его, разверзлись хляби небесные, притча во языцех, ничтоже сумняшеся* и др. Многие из них требуют этимологического комментирования, например, притча — поговорка; язык — народ; *языцех* — устаревшая форма предложного падежа. Архаизация слов, как правило, приводит к различного рода семантическим трансформациям. Так, фразеологизм *злачное место* в современном языке приобрел негативный оттенок, поскольку означает «место, где предаются кутежу и разврату», в то время как в тексте Псалтыри, а также в молитвах оно имело значение «изобилующий знаками, богатый растительностью, сытый». Выражение *на сон грядущий* имел форму *на сон грядущим* (буквально — отходящим ко сну) и был связан с названием молитвенника, предназначенным для чтения перед сном. Устойчивое сочетание *ложь во спасение* («ложь ради блага, спокойствия кого-либо»), широко употребляющееся в современном языке, возникло в результате неверного толкования церковнославянского текста Псалтыри: «Ложь конь во спасение, во множестве же силы своя не спасется», т.е. «Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею», где *ложь* — не существительное, а краткое прилагательное мужского рода со значением «ненадежный, неверный». Из приведенных примеров следует, что многие слова сохранились в русском языке только в составе фразеологизмов, утратив при этом формы словоизменения, этимологические связи и собственное значение.

Современные лингвистические исследования ориентированы на постижение языка как антропологического феномена, что предполагает рассматривать язык как элемент культуры, тесно связанный с разнообразными формами сознательной деятельности человека в проекции на культурно-национальное мировоззрение, языковые стереотипы и реконструкции языкового сознания и ментальности народа. Осознание и осмысление человеком мира происходит через трансляцию культурнозначимых смыслов в естественный язык, что происходит посредством фразеологизмов — языковых знаков, способных хранить и передавать эти культурные смыслы. Согласно В.Н.Телия, фразеологический знак корреспондирует с различными пластами культуры — архетипическими оппозициями; кодами культуры; мифологическими представлениями, такими, в частности, как анимизм, фетишизм, табу; с библейскими представлениями об устройстве мира; с фольклором, литературой, ритуалом и др. Эти пласты в той или иной форме хранятся в сознании человека: они понимаются как когнитивная база, или «структурированная совокупность знаний и национально маркированных и детерминированных представлений» [2; 97].

Во фразеологическом словаре старославянского языка [3], составленном на основе памятников письменности X–XI вв., представлены устойчивые словесные комплексы, характеризующие мир смыслов и ценностей, в котором жила и развивалась средневековая культура. Фразеосочетания описывают такие нравственно-религиозные ценности в бинарных оппозициях, как *добро* и *зло*, *грех* и *добродетель*, *богатство* и *бедность*, *вера* и *власть* и др. «Можно без преувеличения сказать, что вся духовная сфера средневекового человека была сакрализована, вся она была подчинена главному регулятивному принципу Средневековья — сопричастности Богу. Именно Бог как высшая ценность человеческого бытия являлся точкой отсчета духовного и ценностного осмысления мира, связывая воедино природу, общество, человека, бытие и небытие» [4]. Вся лексика старославянского языка ориентирована на человека, поэтому средневековая культура — это не только теоцентрическая культура, но и антропоцентрическая, культура души человека.

Составители Фразеологического словаря старославянского языка подчеркивают, что задуманный ими словарь относится к категории *антропоцентрических* и ориентирует на углубленную семантизацию выявленного фразеологического корпуса, а также — учет культурологического фона описываемых единиц. Такой подход к составлению словаря следует признать оправданным. Во-первых, антропоцентричность — это категориальное свойство фразеологии любого языка, во-вторых, антропоцентрический принцип описания позволил воссоздать фразеологическую картину старославянского мира, что особенно важно в историко-этимологическом и культурологическом изучении языка древних славян [3; 8]. В данном словаре, составленном на основе древнейших памятников славянской письменности, датируемых X–XI вв., содержатся источниковедческие, генетические и культурологические сведения, что позволяет увидеть и понять мир смыслов и мир ценностей, в котором жила и развивалась православная культура. Во многих фразеологизмах, приведенных в словаре, отражено своеобразие православной ментальности, проявляющейся в таких добродетелях, как вера, надежда, любовь, мудрость, мужество, справедливость и воздержание. При этом все нравственно-религиозные добродетели сосредоточены вокруг образа Бога, о чем свидетельствуют фразеологизмы: *Бога хвалити, Богом слоуговати, Богомъ наоучень, Богу оугодити, Богъ въчьнь, Богъ въсьдръжитель, Богъ милостивъ, Богъ съпаситель (нашъ), Богъ въ плъти, Богъ творць, Богъ подастъ, Богъ помощникъ, Богъ гнѣвъ* [2; 60, 61]. Бог в лексике старославянского языка интерпретируется как «личность». Так, Т.И. Вендина наличие этого «личностного» образа Бога в старославянском языке объясняет тем, что «христианство по своей сути антропоморфично. Его учение о Боге — это учение о творце мира и человека. Поэтому Бог в представлениях средневекового человека — это всеобъятная личность, Богочеловек. И эта человеческая природа Бога сыграла важную роль в духовной эволюции средневекового гуманизма... Бог в сознании средневекового человека являлся как бы зеркальным отражением его души, чаяний его сердца, самое главное из которых — обретение спасения» [4].

Вся православная ментальность зиждется на добродетелях нравственно-религиозного характера, что явилась «своеобразной философией жизни человека, смысл которой в его движении к Богу» [4; 212]. Поэтому, на наш взгляд, в старославянской фразеологии широко представлены такие ключевые понятия добродетели, как *добро* и *благо*. Например, *добро творити/сътворити, добръ (и) дѣтель, добро (к) сѣма сѣгати; благага въра, блага земляга, благо врѣма, благовърньо жити, благодарение въздгати, благославень плодъ чрѣва, благо (и) нравъ, благ (и) чловѣкъ, благжж чжсть избрати* [3; 55, 66].

Несмотря на то, что славянизм *благо* является синонимом к русскому слову *добро*, они расходятся не только в значениях, но и в употреблении. В Словаре древнерусского языка *благо* определяется следующим образом: «добро, всякое деяние», а добро имеет два значения: 1. «все то, что благо, хорошо, благопристойно, честно, полезно, противопоставлено злу»; 2. «имущество, состоящее из платьев и других вещей». Эти слова являются синонимами лишь в первом значении; второе конкретное значение слова *добро* не имеет соответствия у слова *благо*. *Благо* преимущественно употребительно в «высоких» контекстах, в отношении деяний Бога или царя: *За сим желаемъ вашей милости отъ господа бога всякаго блага* («Письма и бумаги Петра Великого»); *Мужъ пагубный грешитъ отъ предприятия злаго, Царьъ праведный грешитъ ему являя благо* [3]. Слово *благо* употребляется для выражения общественных интересов, обычно в сочетаниях *общественное благо*: *Добродетелью я называю навъкъ действий, полезныхъ общественному благау* (Радищев). *Добро* не связано с определенным источником данного качества. Различаются эти слова и сочетаемостью — *благо* сочетается с глаголом *творити*, а *добро* — с глаголами *делати* или *чинити*: *Творимъ мы благо: люди нрава есть иного* («Трутень»). Только со славянизмом *благо* возможно устойчивое сочетание *за благо рассудити* в значении «находить наилучшим». В современном языке они не отмечаются как синонимы, в отличие от других дублетов, выражающих одно и то же понятие. *Добро* всегда употребляется в сочетании со словами *тело*, *жизнь*, обозначая качество предмета; наоборот, *благо* — это *дух*, *бог*, нечто неземное, обозначающее качество духа и вообще суть явлений: «Нельзя сказать, что эта пара — простое противопоставление русского слова *добръ* (обозначает все язычески-земное) церковнославянскому *благъ* (связано со всем божественно-небесным), поскольку и в церковнославянском было слово *добръ*, и для русского языка характерно слово *благо* — в другом, русском его произношении (*болого*, *бологъ*) Все это позволяет говорить о том, что религиозное сознание определяет значимость сакрального текста, маркируя слова, в семантике которых присутствует «идеальный» компонент значения в противоположность «материальному», «вещественному».

Добро и зло, которые остаются вечной «оппозицией» в религиозно-философском осмыслении, соотносятся в православной ментальности с грехом и добродетелью — центральными понятиями христианского вероучения. Грех в христианском толковании — это «всякое, как свободное и сознательное, так и не свободное и бессознательное, отступление делом, словом и даже помышлением от заповедей Божиих и нарушение закона Божия» [5; 430]. Материал, представленный во Фразеологическом словаре старославянского языка, иллюстрирует то, что понятие греха осмыслялось как в религиозном, так и социальном аспектах. Например, *грѣх адама / грѣх загладити; грѣх дигаоль / грѣх оуности; грѣх покагати са / грѣх отъмывати; грѣховънии мракъ / грѣшьнии рабъ* [3; 110]. Человек в христианском вероучении — центр мироздания, поэтому тезис об антропоцентричности языка не нуждается в особых доказательствах, ведь подавляющая часть лексики ориентирована на отражение психофизической, духовной, креативной и прочих сфер человека в языке. «Восприятие мира, находящее отражение в языке и задающееся языком, антропоцентрично. В центре Вселенной находится человек. Именно человеческое тело задает параметры изначального измерения пространства и, соответственно, времени и базовые архетипические оппозиции «далеко — близко», «свой — чужой» и др. Тело в целом и отдельные его части могут рассматриваться как первичная основа концептуализации мира (как внешнего для человека, так и внутреннего). Рефлексия над собственным телом, его границами, строением служит источником как восприятия и описания пространства (вспомним такие меры длины, как *пядь, локоть, foot* и др.), так и универсальных метафор, давно стертшихся и не воспринимаемых как троп (*нос корабля, атаковать в лоб, ушко замка* и др.)» [6]. Мир, освоенный человеком и конструируемый им вокруг себя, строится с учетом особенностей человеческого тела, поэтому слова, обозначающие части тела человека, характеризуются высокими фразеобразовательными потенциалами. При этом активность соматизмов в процессе фразеобразования объясняется общим антропоморфизмом фразеологических единиц. В лексике старославянского языка фразеологизмы, включающие соматизмы, представлены широко, так как образно воспринимая и, тем самым, познавая окружающий мир, человек ощущает его, прежде всего, своим телом, поэтому в словах-соматизмах отражается концептуализация мира через познание самого себя и своего тела. Например, *възбити пръси, възвести очи (на небо, выспрь, горѣ), въходити въ срьдъца, въходити въ оуста, въ чръвъ зачати, десница бо-жига, десница отъча* [3; 82–83, 116]. Многие слова в современном русском языке сохранились только в составе фразеологизмов. В современном языке слово *перст* обладает фразеологической связностью, которая соотносится с определенным кругом ситуаций и, как следствие, наделяет *перст* устойчивой оценочностью: *один как перст, указующий перст, перст судьбы*. Эта оценочность влечет к замене *перста* на *палец* в нейтральных, лишенных возвышенности фразеологизмах.

Фразеологизм *беречь как зеницу ока* вызывает представление о древнейшей архетипической форме осознания мира, в котором противопоставлено «свет — тьма», соотносимое по аналогии со зрячим и слепым. *Зеница* и *око* указывают на одну из наивысших ценностей в бытовой, социальной и духовной жизни человека — зрение: *Лучше ноги потерять, чем глаза; Не верь речам, а верь своим очам; Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать* и др. О зрачке как о самом дорогом сказано следующее: *Ты зенок мой, королек — зрачок, Око мое ненаглядное*, что позволяет говорить о том, что во фразеологизме *как зеницу ока* концептуализируется смысл самого дорогого, жизненно важного.

Вѣдати некогда было вполне нейтральным словом с семантикой «знать, понимать»: *Вѣдаите, дѣти, занеже многажды рѣчи и мятежь былъ промежи двѣма владыками, Рязанскимъ и Сараискимъ. Вѣдаите, дети, занеже многажды речи и мятежь былъ промежи двема владыками, Рязанскимъ и Сараискимъ*. В настоящее время *ведать* соотносится с особой разновидностью знаний и не употребляется в «обыденных» контекстах с «негативным» субъектом, ср.: *Бог ведает ..., бог вестъ что и Черт (его) знает, черт знает что*. Глагол *ведать* также не употребляется в случаях, когда нужно выразить неосведомленность, ср.: *кто его знает, как знать*, в составе таких фразем используется глагол *знать*. В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [7] Ю.Д.Апресян выявляет несколько оппозиций в синонимических отношениях ЗНАТЬ и ВЕДАТЬ и сводит основные различия между ними к стилистическим. Глагол *знать*, будучи более общим по значению синонимом, имеет более широкий, чем *ведать*, круг употреблений. Синоним *ведать* в современном языке употребляется главным образом в отрицательных или — реже — некоторых модальных (особенно побудительных) контекстах. Во всех употреблениях он остается стилистически окрашенным: это — элемент высокого или торжественного стиля, поэтического языка, гневной полемики и других приподнятых форм речи. Ср.: *Как перейти на иноходь с галоп / так быстро и дыхание не сбить / Ни веда-*

ешь ни ты, ни Каллиона (И.Бродский «Новые стансы к Августе»); *Может быть, этот теоретик не ведал какой дьявольский огонь разжигал он в чужих умах? Ведал* (Известия, 10.06.1993); *Да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу* (А.С.Пушкин «Борис Годунов»). Лишь в более или менее устойчивых выражениях типа *Знать не знаю, ведаю не ведаю; Сами не ведаем, что творим* и т.п. этот синоним допустим в обиходной речи.

Н.Д.Арутюнова, выявляя своеобразие системы русских ментальных глаголов в выражении пропозиционального знания (знания информации) и опытного знания, или знания по знакомству, обращается к фактам истории языка. «В старославянском языке глагол **вѣдѣти** был аналогом современного *знать*, но сохранял также значение глагола «видеть». По отношению же к человеку употреблялся глагол *знати*, который имел также значение «сознавать». При этом его частотность в несколько раз уступала частотности глагола **вѣдѣти**. В рукописях X–XII вв. зарегистрировано 800 употреблений **вѣдѣти** и только 100 — *знати* [Старославянский словарь, 1994]. В современном русском языке картина существенно меняется: показатель частотности глагола *знать* — 2192 (на 100 000 словоупотреблений), а глагола *ведаю* — 14, из которых на научную литературу и публицистику приходится только — 2 [Частотный словарь, 1997]. Былая популярность глагола *ведаю* не прошла, однако, бесследно для русского языка. Она отозвалась в нем обширным деривативным гнездом, ср.: *ведь, весть, вестник, вестовой, совесть, невежда, сведущий, несведущий, веющий, сведение, с ведома, не (ведомо), заведомо, уведомить, ведомость, ведомство, заведовать, осведомлять, осведомить, осведомитель, разведывать, выведывать, разведчик, ведьма, ведун, невеста, проведать, наведаться, поведать, повесть, исповедаться, исповедь, проповедь, заповедь, известие, заведовать* и др., также сложные слова с компонентами *-вед* и *-ведение* (*языковед, языковедение*). Деривативное гнездо глагола *знать* не столь обширно» [8; 23]. Семантика приведенных слов освещает некоторые пути эволюции значения пропозиционального знания. Они ведут к разного рода эпистемической деятельности: социальной и религиозной (*проповедовать, исповедовать*), бюрократической (*ведомство* и др.), тайной (*ведьма* и *разведчик*), коммуникативной (*поведать, известить*) и др.

Между тем современное соотношение *ведаю* и *знать* в ценностной градации прямо противоположно исходному: «Производные от корня *вѣд-* тяготеют по значению к производным от *вид-*, т.е. «получать знание через органы чувств, прежде всего, через зрение», синонимом к *ведаю* оказывается *слышать, слышати*. Напротив, производные от корня *зна-* передают «чистое знание». Знание, выраженное посредством корня *зна-*, относится к высшей сфере, к «мудрости», поэтому *знахарь* означает «знающий человек», «лекарь», «добрый колдун». Напротив, *знание* — *ведение*, от корня *вѣд-*, относится к земной, бытовой сфере. В Новгородских берестяных грамотах, содержание которых — быт и повседневная жизнь, почти никогда не употребляется *знать*, только *ведаю*. В отличие от *знахарь, ведунь, ведьма* — «злые колдуны». Приведем в подтверждение этого тезиса пример из «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским»: *Много отпущено всяких людей: спрося их, уведай; Ежи вси ведают, в какове чести и богатстве родители твои жили и како убо отец твой, князь Михайло, в какове жалованье и богатстве и чести был. Се вси ведают* (*ведение* в этих случаях описывает внешнее, доступное всем знание); из «Житие боярыни Морозовой»: *Научена же бысть добродетелному житию и правым догматом священномучеником Аввакумом протопопом. Егда же токмо уведе* («узнала» = «услышала»), *о православии возревновали зело и развращенного всего отвратися* (С. 110). *Елена же с прочими сестрами кряхуся страха ради. И не могуца уведети о святой Феодоре целую неделю, и тужаху зело....*

На наш взгляд, концептуальная пара *правда* и *истина* свидетельствует об определенной связи между наличием в языковом мышлении тех или иных концептов и языковым мировидением (мировосприятием). Так, выделяя два представления об истине — религиозное и эпистемическое (модальное), Н.Д.Арутюнова прослеживает соотношение в русском языковом сознании понятий *правды* и *истины*. При этом «*правда* — это истина в зеркале жизни...» [8; 26]. Именно поэтому говорят о *правде* жизни и жизненной правде, но не об *истине* жизни. «Ситуация истины в житейском контексте отлична от положения правды. Истина становится в нем максимальной сентенцией, резюмирующей жизненный опыт... Правда подразумевает только конкретные высказывания... истина — только общие» [8; 29, 30]. Правда касается только одушевленного мира и она социоцентрична, ср.: можно *узнать правду о войне*, но не *правду об атомах и молекулах*. Правда о землетрясении повествует о человеческих бедах, а *истина* — о геофизических причинах неуравновешенности природы. «*Истина имеет одного Владельца (Бога) ... правда — многих*» [Там же]. Такая дифференциация близких по смыс-

ду слов по признаку «сакральное» / «профанное», «идеальное» / «материальное», «духовное» / «физическое» определяется культурной традицией носителей языка. Слово формирует социальный и сакральный опыт человека, дает возможность постигать и объяснять окружающий мир, поскольку культура оказывает влияние не только на восприятие вещей, но и на их интерпретацию и осмысление. При этом во взаимодействии сакрального и светского значений большая активность наблюдалась у светского, вследствие чего оно вовлекало сакральное в свое пространство, обогащаясь новыми словами и смыслами. И в этом проявляется системная память культуры, так как любая культура не существует без сакральных смыслов.

В древнерусском языке прослеживается развитие ментального поля Истины за счет втягивания в него новых слов. Истина в древнерусском языке осмысливается уже как вера, ср.: вѣра: 1. «истина»; 2. верование, поклонение истинам, догматам» [9]. Смысловые приращения этого понятия социализируют его, несмотря на то, что именно Правда, а не Истина становится нормативно-оценочной категорией, определяющей нравственность человека, духовным эквивалентом которой становится совесть. Ср.: *В нем правды нет*, т.е. «нет совести». Поэтому «правда одухотворена человеческим чувством, характеризуется свободой воли, в отличие от predetermined истины, слишком объективной, чтобы человеческая воля могла ею управлять» [8; 127].

Соотнесенность истины с Божественным освещает жизненный путь человека «светом истины». Истина, возделываемая разумом, приобщает его к истинному знанию, ср.: *свѣтъ*, перен. *свет истины*; *бѣсѣтъ истинны иже просвѣщаетъ всѣкого чловѣка* [10]. Идея божественной природы света в современном языке существенно редуцирована, об этом свидетельствуют изменения в семантике слова под углом зрения картины мира и истории культурных представлений носителей языка. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И.Срезневского слову *свѣтъ* и производным от него отводится несколько страниц словарного формата [11]. Подавляющее большинство производных — *свѣтъловати* — «освещать, просвещать»; *свѣтълитиса* — «светиться, сиять»; *свѣтълотворити* — «наполнять светом духовным»; *свѣтълогадрыни* — «светом, указывающим путь» — в современном языке утрачены, как утрачена сама идея божественной природы света, ведь *свет* и *свят* относятся к одному и тому же праславянскому корню **svet-*. В Полном церковнославянском словаре Гр. Дьяченко читаем следующее: «...самая стихия света есть божество, нетерпящее ничего темного, нечистого, в позднейшем смысле — греховного. Понятия светлого, благого божества и святости неразлучны... Так, от санскр. *div* — светить, блистать, играть лучами образовалось греч. *Ζευς* (род. *Διός*), лат. *Deus* — Бог, *divus* — божественный, святой...» [12]. Анализ семантического ареала концепта «свет» в динамике ее языковой концептуализации показывает преемственность культурных представлений носителей языка через трансляцию культурных смыслов.

Таким образом, в старославянской фразеологии наиболее ярко отражена православная ментальность, которая зиждется на нравственно-религиозных добродетелях, отражающих духовный мир и мир ценностей человека. Концептуализация мира через призму языка — это процесс, динамика, поэтому «историческая память» языка требует учитывать культурно-историческую мотивацию особенностей семантики и употребления языковых единиц в синхронии. Постичь механизм этого процесса возможно лишь, исследуя глубинную семантику слова путем его концептуального анализа, «следов культурной практики», корней того коллективного бессознательного, которое лежит в основе архетипа языка любой культуры.

Список литературы

- 1 Буров А.А. Кирилло-Методиевская традиция и формирование русской языковой картины мира // Церковнославянский язык в духовном аспекте: Материалы Всерос. науч. конф. — Т. 1. — Ставрополь, 2007. — С. 7–15.
- 2 Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. — Вып. 30. — М.: Гнозис, 2005. — С. 30–43.
- 3 Фразеологический словарь старославянского языка: более 4000 единиц. — М.; Магнитогорск: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2006. — 340 с.
- 4 Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. — М.: Индрик, 2002. — С. 274.
- 5 Христианство: Энциклопедический словарь. — М.: Прогресс, 1993. — С. 159.
- 6 Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. — М.: Гнозис, 2007. — С. 72.
- 7 Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 464 с.

- 8 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
 9 Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН СССР. — Вып. 1–28. — М.: Наука, 1972–2009. — С. 79.
 10 Словарь старославянского языка: В 4 т. — СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 2006. — С. 271.
 11 Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — Т. I–III. — СПб., 1893 — 1913. — С. 295–302.
 12 Дьяченко Гр. Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) // Репринт 1890. — М.: Рус. яз., 1993. — С. 582.

Ж.К.Қиынова

Орыс тіліндегі көнеславян фразеологиясы: тілдің диахрониясындағы синхрония

Мақалада Көне славян тілінің фразеологиялық сөздігі материалдарының негізінде орта ғасыр адамының антропоцентристік бейнесі және оның моральді-адамгершілік құндылықтары қарастырылды. Автор көне славян тіліндегі православ христиандардың менталитетін айғақтайтын мысалдар келтірді. *Жақсылық – жамандық, кунә – мейірімділік, байлық – кедейлік, сенім – билік* сияқты бір-біріне қарама-қарсы оппозициялардан тұратын фразеологиялық тіркестер талданды. Құрамында соматизм компоненті бар фразеологизмдерге ерекше назар аударылып, олардың семантикасында өзін-өзі және өзінің денесін тану арқылы әлемнің концептуалды бейнесі қамтылып көрсетілді.

Zh.K.Kiyнова

Old Slavic phraseology: synchrony in a language's diachrony

An anthropocentric picture of the medieval person and his moral values are recreated on the material of the phraseological dictionary of old Slavic language. The author of the article gives examples indicating the reflection of orthodox mentality in the old Slavic phraseology. Phraseological combinations appearing in such binary oppositions, as good and evil, sin and virtue, wealth and poverty, belief and power are analyzed in the given article. The special attention is paid to the phraseological units including somatisms as the conceptualization of the world through perceiving one's self and body is reflected in their semantics.

УДК 808.2.3

В.Д.Нарожная

Южно-Казахстанский государственный педагогический институт, Шымкент (E-mail: vdn_ru@mail.ru)

Лексические и фонетические архаизмы в составе русских фразеологизмов

В статье предложен анализ русских фразеологических выражений, которые содержат различные устаревшие элементы, лексические историзмы и архаизмы, которые не только формируют структуру фразеологизма, но и являются средством выразительности. Систематизация данных фразеологизмов в этом отношении позволяет полнее представить общую картину языка и помогает осознать многослойный характер современной языковой системы, воссоздать прежний словарный состав русского языка.

Ключевые слова: архаизм, фразеологизм, соматизм, антропоцентризм, библеизм.

В современном русском литературном языке насчитывается около тысячи фразеологизмов, содержащих в своих компонентах лексические архаизмы и историзмы, например: *бить челом, беречь как зеницу ока, подпускать турусы на колесах, гол как сокол* и др.